

— **4 января (1986 г.)** состоялась вторая попытка открыть сезон зимней рыбалки. И опять поехали в Каширское. И опять с Михалычем. И опять неудачно. Не везёт Михалычу.

— Но в этот раз нас было больше: помимо меня, Михалыча и Смертина ещё Серёжа и братья Карповы - Ваня и Коля. Да и в автобусе кроме нас ещё ехало несколько энтузиастов. Правда, немного, и десятка не набралось. Приехали, как и в прошлый раз, затемно, но сразу вышли на лёд и пошли потихоньку, постукивая пешнями. Прошли километра полтора и упёрлись в трещину, форсировать которую в потёмках не решились.

— Пошли вдоль трещины, поскольку показалось, что она уходит вглубь залива, поперёк берега. Выяснилось, однако, потом, что это она следовала береговой линии и повернула вдоль мыса. Сунулись к трещине поближе, пытаясь разглядеть, что за ней, и ... услышали плеск волн. Опять что ли отрыв льда за трещиной?

— Дождались рассвета и увидели, что трещина широкая, местами с огромными разводьями, в которых гуляли волны. За трещиной гладкий лёд, но с промоинами. Похоже, совсем молодой. Желаящих перебраться на него не оказалось. Расселись вдоль трещины. Серёжа и Смертин пробовали блеснить, но глубина оказалась всего лишь два с половиной метра - для судака явно недостаточно.

— Расставили удочки на плотву и на всю компанию выловили одну штуку - Коля Карпов отличился, плотвина его была за полкило. Видел он ещё одну поклёвку, а у остальных поплавки даже не шевельнулись ни разу. Бегали смотреть, как у других - то же самое, кое-кто выловил по одной штуке, кто плотву, кто подлещика, явно заблудших каких-то.

— Михалыч - молодец, и в этот раз не огорчился: - Ничего, - говорит, - хорошо погуляли. В следующий раз повезёт.

— Толщина льда до трещины - 10-12 сантиметров, лёд слабо заснежен и до трещины вполне надёжен. Погода была: перемененно без осадков, температура воздуха - плюс четыре градуса.

На следующий день, **5-го января** мы с Митей ездили в Исаково. Народу на озере было много, погода чудесная, солнце, морозец 2-4 градуса. Мы приехали днём, около часу, а с утра в одном углу (ближнем к старому шоссе) всю тягали ершей, а в стороне - под мотелем - плотвичек. Днём клёв почти прекратился, но мы всё же отловили на мотыля одну плотвичку, одного ерша и одного пескаря. С этим можно уже на Калининградский залив ехать на судака!

И на следующий день я отправился в Сосновый Бор, один, без компаньонов (я взял себе отгулы), с отловленными накануне рыбёшками для насадки на блёсны. Температура воздуха была минус два градуса, давление 736-737 мм, временами шёл мелкий снег, дул слабый юго-восточный ветер.

Народу рыбацкого в Сосновом Бору сошло немного, человек 10-12. От берега шли прямо минут 35, после чего стали видны довольно обширные промоины, а так лёд толщиной сантиметров 10. Дальше никто не пошёл, расселись, начали блеснить. Часа полтора я просидел на одном месте без поклёвок, после чего начал помаленьку смещаться вглубь залива, благо делать лунки в тонком льду никакого труда не составляло. Но далеко отходить один не решился, смущали промоины, к тому же лёд был припорошен снегом, и свежезатянутые места можно было не заметить.

Один лихач прокатил на велосипеде в сторону Бальги, по его колею я пошёл смелее, сажился блеснить в нескольких местах, но без успеха. Дошёл до велосипедиста, тот сидел примерно в часе ходьбы от берега, но и у него поклёвок не было. В четыре часа я двинулся обратно по своим же следам, снова пытаясь блеснить в тех же лунках.

Около пяти я подошёл к двум рыбакам, самым дальним из утренней компании. Один из них сказал, что только что тащил здорового судака, но тот ушёл с блесной. Мне не

очень поверилось, поскольку я решил, что судака сегодня в этом районе вообще нет. Но всё-таки я остановился неподалёку от этого мужика, пробил лунку и стал блеснить.

— И за полчаса - с пяти до полшестого я вытащил двух судаков, одного чуть меньше килограмма, второго чуть больше, и один сошёл. Те двое тоже поймали одного.

— Возвращался я уже затемно, рискуя в потёмках залететь в промоину. До берега шёл 45 минут, еле успел на дизель. А те двое оставались ещё, когда я уходил, в азарт, видать, вошли. Вообще же в тот день мало кто поймал и только к вечеру. Но ловили и на 35-минутном удалении от берега.

5 августа 1986 г., там же

— Затем на пару дней мне пришлось выйти на работу (по записке Иванова в связи с премией для Вильнюса), и вновь я вышел на лёд **9 января**, опять в Сосновом Бору. С утра был морозец минус 8, днём минус 1, давление 744-746, ясно, ветер западный, слабый, лёд заснежен, промоины практически все затянулись, лишь кое-где о них напоминали тёмные пятна воды, впитавшейся в снег.

— Ловил в 45 минутах ходьбы от берега, практически там же, где поймал судаков в прошлый раз. Поймал в 16.00 небольшого, граммов на 600, в 16.50 - чуть побольше (около 700 граммов), и в 17.00 на килограмм восемьсот граммов. Таких здоровых я давно уже не вытаскивал, последние два сезона ведь ловили в основном на Куршском заливе, а там они все мерные - около килограмма.

— Были поклёвки и утром, и в 14.00 тащил даже одного, но не дотащил. Когда поймал третьего, то подумал - уже норма, если ещё поймаю, придётся прятать, хотя вряд ли рыбнадзор уже появится, раз весь день его видно не было.

— На берег я выходил одним из последних, уже затемно, минут 25 седьмого, до дизеля оставалось полчаса, но все уже отдыхали у остановки, народу в этот раз под сотню было. Когда я начал подниматься на берег, сверху навстречу спустился парень и спросил: - Ну как?

— - Нормально, - говорю, - трёх взял.

— - Недомерков нету?

— - Нет, - весело ответил я и вскарабкался на пригорок.

— Там меня ожидала компания людей рядом с УАЗиком - рыбнадзор! Один из них подошёл ко мне и представился:

— - Старший инспектор рыбоохраны такой-то. Предъявите улов, пожалуйста.

— Я сбросил рюкзак на землю и вытащил полиэтиленовый мешок со своими судаками. Подскочил ещё один мужичок и сунулся в рюкзак:

— - Можно посмотреть рюкзачок?

— - Ройтесь, - мрачно разрешил я ему.

— Тот, не обидевшись, перерыл мой здоровенный рюкзак, но не обнаружил того, что искал - спрятанной рыбы. Тем временем моих судаков вытаскивали из полиэтиленового мешка, раздирая его колючками спинных плавников.

— - Поаккуратней нельзя ли?

— - Ничего, ничего. Сейчас мы их замерим.

— Судаков клали на доску с зарубками и определяли их длину от кончика носа до начала оперения хвостового плавника.

— - 37 сантиметров! - радостно воскликнула тётка, участвовавшая в процедуре измерения. - Составляйте протокол.

— Два других моих судака оказались длиной в 40 и 56 сантиметров - в норме.

— Как это я опростоволосился? Я ведь совсем забыл, что нельзя ловить судаков меньше 40 сантиметров длиной, а точнее, мне почему-то и в голову не пришло их замерять, не мелькнуло даже в голове, а не мелковаты ли первые два? На льду они мне показались не большими, конечно, но и не меньше нормы. Про то, что нельзя больше трёх штук вылавливать, я подумал. А поскольку у меня было как раз три, и общий вес не превышал пяти килограммов, то я и не беспокоился ни о чём.

— Я попытался было поканючить:

— Дяденьки, отпустите! Я больше не буду. Я на дизель опаздываю.

— Успеете. В крайнем случае мы Вас подбросим до Калининграда.

— Вот ещё, очень надо, - перешёл я на грубый тон, поняв, что от протокола не отвертеться. - С вами я в одну машину не сяду, лучше пешком пойду.

— А что так? Чем Вы недовольны? Сами виноваты, надо правила соблюдать.

— Дурацкие правила. Вы бы лучше с ЦБЗ боролись, которые и Прегель, и залив отравляют. А в Куршском заливе вы отловить судака любителям не позволили, а он всю рыбу подъял там и сам куда-то делся, передох с голоду, наверное, пустой залив теперь. Литовцы у себя, вон, разрешали сколь угодно ловить и принимали рыбу у любителей на берегу за плату. А вы ни себе, ни людям, ни рыбе пользы не приносите.

— Моя демагогия, однако, не возымела действия.

— Из Куршского залива судак в море ушёл. А Вы распишитесь, пожалуйста, вот здесь, здесь и здесь. Сколько весь улов у Вас весит? Три килограмма? Так и запишем. Улов мы не конфискуем, оставляем Вам за плату. Уплатите вместе со штрафом.

— Это насколько же меня наказали? - размышлял я, торопясь на дизель (успели они всё-таки до отхода дизеля протокол составить). - Штраф, наверное, - десятка как минимум, да за вес рыбы рублей шесть, дорогими судачки оказались. Всё настроение от удачной рыбалки испортили из-за каких-то трёх сантиметров. Это же сколько теперь надо браконьерить, чтобы убытки компенсировать?

— Дома меня за судаков похвалили - угостим Ужгихных и деда, а за протокол пожурили, но Сашуля не очень расстроилась, так как сумму штрафа я не назвал, поскольку и сам ещё не знал её, а, в принципе, можно было надеяться, что обойдётся ещё как-нибудь.

— Через день я поехал снова туда же. Температура минус 5-2 градуса, пасмурно, мелкий снег, ветер южный, давление падало от 743 мм утром 736 вечером. Ездил в этот раз с братьями Карповыми (Серёжа был в командировке, Смертин что-то не появлялся, экзаменами загружен, наверное, Михалыч готовился к отходу в море, торчал на корабле). Ловили в пятидесяти минутах ходьбы от берега на север. Клевало у все плохо, наверное, из-за падения давления. Я поймал одного судака в 13.30 на кило шестьсот, да Ваня одного в 16.30.

6 августа 1986 г., там же

— **18 января** Михалыч ушёл в рейс почти на полгода, а точнее, на пять месяцев, и не ушёл, а улетел в Анголу на подмену экипажа. Накануне он зашёл вечером к нам с бутылкой водки, и мы распили её втроём (с Сашулей) на кухне. Дима так и не появился до отъезда отца, и я высказал предположение, что он специально от него прячется.

— Михалыч был, конечно, очень удручён. Он мне не раз до этого говорил, что Димка парень порядочный, и раз молчит, значит, ему плохо, а помощи не хочет, надеется справиться один. Сразу после Нового года в Ленинград ездила Димина мать, Надежда Григорьевна, встревоженная молчанием сына.

— Это же надо, - негодовал я, - вынуждать родителей мотаться в Ленинград, чтобы выяснить, что там с любимым чадом произошло. И жене, гад, не пишет, несмотря на все мои наставления и его обещания в последнюю нашу встречу в конце лета. Вот зятёк попался!

— Надежда Григорьевна нашла сына в общежитии очень подавленным, а временами сильно раздражённым, щека дёргается. Говорит, что у него осенью ещё опять разыгрался невроз, он лечился психотерапией и психоанализом у какого-то своего приятеля, недавно окончившего их вуз и работающего теперь где-то в области в больнице, в глухомани. Вроде бы стало чуть полегче.

— Учёбу забросил, накопил много хвостов, надеялся справиться перед сессией, но не

получается. Надеется теперь на академотпуск. Вроде бы ему обещали в деканате, но он должен обследоваться на днях здесь в институте, как оформит бумажки - сразу приедет. Это было в самом начале января. И вот прошло две недели, а от него опять ни слуху, ни духу.

—- Какой там к чёрту академотпуск? - говорил я Сашуле. - Кто ему его даст? Ладно бы после сессии, а то накопил хвостов и прогулов и в академотпуск запросился. Если бы ещё лечился официально, а то просто бросил занятия, исчез куда-то, а теперь появился! Он ведь уже брал академотпуск, кто ему второй даст? Что он, вечным студентом жить собирается?

—- Но родителям его и Иринке я ничего этого высказывать не стал, жалко было, и так они в трансе все. Михалыч просил, чтобы я не слишком третировал Димку, когда он вернётся, пощадил бы его самолюбие, молод ведь, пацан совсем всё-таки ещё. Хочет свою самостоятельность доказать, а не получается. Я обещал, что отнесусь к нему, как к родному сыну, хоть и блудному.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)